

УДК 002:001.6
ББК 78.00+78.01

ЗАКОНЫ НАУК ДОКУМЕНТО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СФЕРЫ: КОРРЕЛЯЦИЯ С НАУКОВЕДЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ (ЧАСТЬ 3)

© Е. И. Полтавская, 2015

*Научная музыкальная библиотека им. С. И. Танеева
Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского
125009, г. Москва, ул. Большая Никитская, 11*

В третьей статье, в соответствии с философскими представлениями о научном законе, рассмотрены законы библиопсихологии, законы развития информационного пространства и теоретические законы документальной коммуникологии, объединяющей смежные документо-коммуникационные науки (библиотекведение, библиографоведение, книговедение, архивоведение, музееведение).

Ключевые слова: научный закон, эмпирический и теоретический законы, науки документо-коммуникационной сферы, документо-коммуникационные науки, понятие, схема, организация (учреждение), социальный институт.

In accordance with philosophical concepts of a scientific law the third article discusses the laws of bibliopsychology, laws of the information space development and theoretical ones of documentative communicology, which unites allied documentary-communication sciences (library science, bibliography science, bibliology, archival science, museology).

Keywords: scientific law, empirical and theoretical law, sciences of documentary-communication sphere, documentary-communication sciences, notion, scheme, organization (institution), social institution.

Особое место среди законов документо-коммуникационных наук занимают *законы библиопсихологии*. Влияние слова (и любой знаковой продукции) на человека и общество, считал Н. А. Рубакин, должна изучать специальная дисциплина – библиологическая психология, поэтому естествен интерес к теории Н. А. Рубакина книговедов и библиотекведов, исследующих проблемы чтения.

Библиопсихологическая теория Н. А. Рубакина опиралась на работы философов, психологов, нейрофизиологов, среди которых были В. Гумбольдт, А. Потебня, Р. Семон, И. Тэн. Их законы и основные понятия (энграмма, или запись, след; экфория, или вынесение энграмм из латентного состояния в сознание; мнema, или совокупный поток энграмм-записей и экфорий, который способен накапливаться) легли в основу собственных суждений ученого и писателя¹.

По теории Н. А. Рубакина, понимание текста зависит от предыдущего опыта коммуниканта, от его культурной, этнической среды, наследственности, временного и эмоционального «моментов», а знак, текст лишь пробуждают восприятие: «слово, фраза, книга суть не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнeme» [1, с. 108]. При этом книга сравнивается

или этническую, среду». *Закон В. Гумбольдта – А. Потебни:* «человеческая речь, как и все элементы ее, вплоть до отдельного слова и даже звука или буквы, суть орудия только возбуждения психических переживаний, в соответствии с особенностями той мнeme, в какой они возбуждаются, а не орудия передачи этих переживаний». *Закон И. Тэна* (закон накопления энграмм): «энграммы, непрерывно притекающие в мнeme и обуславливающие собой качественную и количественную сторону экфорий, всегда находятся в функциональной зависимости, во-первых, с собой, во-вторых, с окружающей средой и, в-третьих, с моментом». *Закон консонанса и диссонанса эмоций:* «печатное, рукописное и устное слово понимаются положительно или отрицательно в зависимости от того, какие эмоции преобладают в читателе или слушателе. Положительные (обоудно-притягательные) эмоции приводят к оптимуму и к максимуму обоудного понимания, тогда как отрицательные (отталкивательные) к минимуму и к пессимуму его». *Закон Э. Геннекена:* «литературное произведение действует только на тех, чьим выражением оно служит» [1, с. 96, 98, 107, 114, 142, 279; 2, с. 15–16].

¹ *Закон мнeme Р. Семона* (в разъяснении Н. А. Рубакина): «...реальность поставляет организму оригинальные, или первоначальные энграммы, которые в своей совокупности и образуют мнeme. <...> В процессе экфорирования ... обнаруживается ассоциация энграмм». *Закон экфорий:* «восприятие структуры личности, влияющей на восприятие и оценку текста, зависит от вхождения индивида в ту или иную экологическую и этологическую (наследственную),

с реактивом, снарядом: текст инициирует те или иные изменения в индивидуальной мнеме в зависимости от ее морфологического строения, физиологического и психического состояния читателя, его культуры, этнической принадлежности и др. Следовательно, заключает Н. А. Рубакин: «каждый читатель в процессе чтения строит собственную проекцию читаемой книги, в зависимости от качественной и количественной стороны своей мнемы, и эту свою проекцию принимает за качества самой книги и называет ее содержанием читаемого произведения» [1, с. 106]. Отсюда делается вывод, что одно и то же слово действует по-разному на людей потому, что у них несходные мнемы.

Однако далее утверждается, что «слово, которое мы читаем или слышим, не имеет никакого содержания, кроме того, которое мы в него вкладываем в процессе чтения или слушания» [1, с. 106].

С таким утверждением трудно согласиться полностью: нельзя забывать, что конструирование мира, создание его проекций происходит лишь при совместном общении, в социальных практиках (влияние индивидуального и социального на речь, слово подчеркивал В. Гумбольдт), а не только индивидуально. Поэтому неизбежна корректировка индивидуальных мнений и совместное их уточнение. Главное, у каждого предмета (вещи, явления, процесса) есть сущность, которая остается неизменной при любом изменении, пока предмет остается самим собой. Поэтому инвариантное представление о предмете надо отличать от субъективного о нем представления, которое возникает у разных, воспринимающих его, людей. Представление о сущности предмета дает схема понятия; а субъективные наслоения вместе с сущностным ядром понятия составляют концепт. Подчеркнем: действительно, у каждого индивида возникают свои *эмоции* от слова, но в *понятии* предмета (тем более в *научном* понятии) эмоции не входят, понятие *неперсонально*, оно логически выражает связи элементов в предмете. Эмоциональное восприятие предмета включает его *концепт*; именно концепт есть *субъективное* схватывание *содержания* предмета [3, с. 306–307].

Законы библиопсихологии – это результат конструктивистского подхода к пониманию процесса восприятия текста (коммуниката) читателем (коммуникантом): знание понимается как интерпретация. При этом сам Н. А. Рубакин не употреблял термин «конструктивизм», который получил распространение в психологии лишь в 1950-е гг., но мыслил в рамках этого научного подхода. Психолог и методолог деятельностного подхода А. А. Леонтьев, говоря об идеях Н. А. Рубакина, подчеркивал, что тот «предвосхитил теорию массовой коммуникации», его работа представляет «исторический интерес» и по проблематике психологии чтения

может служить «своего рода путеводителем» [4, с. 12–13].

Законы Н. А. Рубакина следует отнести к эмпирическим законам: предметом исследования служат переживания, эмоции; для обоснования зависимостей используются обильный экспериментальный материал, схемы, таблицы; строится новый понятийный аппарат; сформулированные законы являются частью его теории, рассматривающей чтение как психический процесс и объясняющей определенные изменения в психике читателя: формулировки законов утверждают некоторые факты реальности.

Опираясь на базовые философские законы, информационный и системный подходы, Т. Ф. Берестова сформулировала *законы развития информационного пространства* в целом. При рассмотрении генезиса информационного процесса в социуме была выявлена зависимость информационных барьеров и «новых видов информации, социальных институтов и технологий» друг от друга и сформулированы законы: 1) «при преодолении информационных барьеров (препятствий) возникновение новых видов информации, социальных институтов и технологий неизбежно»; 2) «каждый новый вид информации наследует функции предшествующего вида и обладает собственной сущностной функцией»; 3) «метаморфизм информационных явлений проявляется на всех уровнях информационного пространства, и это обусловлено их единым общим генетическим основанием – первичной информацией и ее свойствами» [5, с. 6; 6, с. 15–19; 7, с. 32–47].

Предложенные Т. Ф. Берестовой законы относятся к *междотраслевым* научным законам, которые справедливы для всех наук документо-коммуникационной сферы. Они сформулированы на основе логического осмысления свойств информационных явлений, но без построения явных теоретических конструктов, которые принято считать критерием теоретического закона в точных науках. Поэтому с точки зрения естествознания научные законы *развития информационного пространства* должны бы относиться к *эмпирическим*.

Однако в гуманитарных науках теоретические конструкты имеют свою специфику, они как бы «сплавлены» (по образному выражению В. С. Степина) с объясняемыми фактами, при этом факты выстроены в определенной логике (например, нарративные схемы). Зачастую теоретические конструкты в гуманитарных науках неправомерно отождествляют с эмпирическим описанием, игнорируя то «обстоятельство, что один и тот же набор фактов и один и тот же фрагмент истории может быть представлен в различных реконструкциях» [8, с. 41].

«Срединное», «переходное» положение социально-гуманитарных наук в общенаучном знании

(между естественными науками, где оперируют мысленными конструктами различной степени абстрактности, и гуманитарными науками) позволяет квалифицировать законы *информационного пространства*, предложенные Т. Ф. Берестовой, и *третий закон документологии* Ю. Н. Столярова (см. статью 2) как *теоретические*, характерные для *гуманитарных наук*. Также необходимо отметить, что авторы этих законов оперируют интеллектуальным конструктом *информация*, а реальные предметы, соответствующие термину «информация», как известно, не найдены.

Возможно ли сформулировать в науках документо-коммуникационной сферы теоретические законы, типичные для естествознания? Напомним, что в естественных науках теории и гипотезы представляют собой взаимосогласованные конструкты – *фундаментальную теоретическую схему* (термин В. С. Степина), законы взаимосвязи в которой можно представить в виде формул.

Формулирование теоретических законов, подобных законам естествознания, оказывается возможным в смежных документо-коммуникационных науках (библиотекведение, библиографоведение, книговедение, архивоведение, музееведение) вследствие составленных схем понятий, означающих объекты перечисленных наук. Так, при конкретизации *понятия* «библиотека» выявлены понятия: «библиотека – организация (учреждение)» и «библиотека – социальный институт»; составлены их *схемы*, выражающие их сущность. Интерпретация данных понятий как систем, выяснение соотношения между ними позволяют осознать фундаментальную теоретическую схему, отражающую структуру реальных социальных объединений, понять закономерности существования и выразить их в научных законах [9].

Схемы понятий «организация (учреждение)» (*персонал – средства производства – продукт труда*) и «социальный институт» (*производитель – потребитель*), составленные на основе реальных определений из необходимых и соразмерных элементов, представляют собой *формальную запись процесса* или деятельности, в результате которых создается та или иная социальная общность, социальная система. Схемы понятий этих социальных объединений выражают общие связи и отношения; это те же формулы, которые надо уметь составлять и интерпретировать.

Иными словами, категориальная схема подобного объекта (библиотеки, архива, музея, информационного центра и т. п.) в социально-гуманитарных науках выполняет роль математической формулы. В схеме «свернуто» определенное знание о сущностной функции социальной системы, о необходимых и достаточных элементах, составляющих структуру системы.

Метафорически можно сказать, что структура системы хранит информацию. В. В. Миронов отмечает: «Поскольку устойчивая и повторяющаяся связь есть не что иное, как закон, то *структура системы есть некоторая совокупность законов*, определяющих связь элементов в системе, превращая ее в единое целое (курсив наш. – Прим. Е. П.)» [10, с. 462].

Каждый закон, подчеркивает В. С. Готт, выражает порядок, «регулярность в пространственном расположении явлений и их следовании друг за другом во времени» [11, с. 396]. Так, законы строения кристаллических решеток выражают одинаковость структур; химические законы – тип взаимодействия (соединения, замещения, обмена и т. д.). В реальной дефиниции социального института также говорится об устойчивом и необходимом социальном взаимодействии-обмене между двумя разными субъектами, а повторяемость, регулярность, необходимость устойчивых существенных связей между элементами структуры и есть *закон*.

Схема понятия выступает как выражение закона формирования явления, закона *однозначной детерминации*, поскольку «одна совокупность факторов с неизбежностью вызывает другую» [12, с. 271]. Так, появление субъекта спроса неизменно приводит к возникновению субъекта предложения.

Проанализировав сформулированную дефиницию социального института («социальный институт – это устойчивое и необходимое социальное взаимодействие-обмен между созидателем некоего продукта (материальной или нематериальной природы) и его потребителем»), приходим к выводу общего дефинитивного *закона структуры социального института*: «во всяком социальном институте обязательно взаимодействуют минимум два субъекта: субъект предложения (производитель, созидатель) и субъект спроса (потребитель)». В каком бы месте или в какой бы временной эпохе ни находился рассматриваемый конкретный социальный институт, условием его существования является наличие двух разных субъектов (созидателя и потребителя), между которыми осуществляется существенное и необходимое социальное взаимодействие-обмен материальным или нематериальным продуктом. Таким образом, существует пространственная и временная симметрия действия закона строения социального института. Можно утверждать, что *закон структуры социального института* является общим для всех наук, где основные понятия означают объекты, обладающие структурой *производитель – потребитель*.

Методологическое значение этого закона для библиотекведения, библиографоведения, книговедения заключается в том, что он позволяет уточнить основные понятия, обозначающие объекты, осознать их категориальную структуру, понять де-

персонализацию в системе *библиотека – социальный институт* (и подобных ему в *библиографическом социальном институте, книжное дело – социальный институт* и др.), постичь суть принципиальных различий с *библиотекой–учреждением* (и другими учреждениями), получить основания для конвергенции и систематизации наук, обособления смежных наук в группе родственных, разрешить кажущиеся противоречия в понятийном аппарате (подтвердить правильность модели «библиотека Столярова» и соответствие ее понятию «библиотека – социальный институт», необходимость в ней элемента «средства производства, или материально-техническая база» и отсутствие «управленческого ядра»).

Закон структуры социального института, показывая сущность данной социальной системы, позволяет разобраться в других теориях социального института. Так, А. В. Соколов, рассматривая социальный институт (на примере библиотечного и библиографического социальных институтов), представляет его в виде системы из элементов *практика – образование – управление – наука – специальная коммуникация* [13, с. 70; 14]. Обратим внимание: сущность каждого из названных элементов (кроме «специальной коммуникации», которая есть собственно связь между элементами, и «управления», которое присутствует в организации / учреждении, но не относится к сущности социального института) выражается схемой *производитель (деятель) – потребитель*. Предложенные А. В. Соколовым схемы библиотечного и библиографического социальных институтов показывают не сущность самого социального института, а комплекс разных социальных институтов, обеспечивающий коммуникацию документа потребителю, взаимосвязь социальных институтов.

Однако если необходимо показать *принципиальную сущность* социального института, которая есть отражение закона его образования, то следует рассматривать объект в виде изолированной системы, построенной только из необходимых и достаточных элементов, связь которых выражает единственную важнейшую функцию системы. Теоретическое знание для того и пользуется мысленными конструктами, чтобы понять, выявить *инвариант* рассматриваемого явления, различив его с сопутствующими (выполняющими роль эпифеноменов) и не оказывающими влияния на сущность рассматриваемого явления. Так, наука, образование, профессиональная пресса, *улучшая качество подготовки специалистов*, занятых в библиотечной работе, и способствуя их эффективной работе, не изменяют сущность феномена библиотеки.

Отображая логику построения понятия «социальный институт», мы отображаем и логику построения реальной социальной системы, т. е. *закон*

структуры социального института, что не отменяет возможности группирования реальных социальных общностей по отраслям знания, изучения их в комплексе. Ведь «задачей научной теории является раскрытие сущности явлений; *сущность и научный закон – понятия однопорядковые*: познавая скрытую сущность явления, теоретик открывает закон, ибо логически корректная формулировка сущности явления – это и есть научный закон (курсив наш. – Прим. Е. П.)» [15, с. 9]. Отметим: закон структуры социального института относится к законам, *выражающим объективную закономерность* образования социального института, независимую от сознания отдельных людей.

На основе схемы «социального института» формулируем *законы в смежных документо-коммуникационных науках*: «всякое учреждение культуры, регулярно и гарантированно предоставляющее документ обществу в пользование по определенным нормам и правилам, выполняет функции социального института» (закон 1). Поскольку этот закон раскрывает причину возникновения социального института, назовем его *законом генезиса документо-коммуникационного социального института*.

Сформулируем закон, раскрывающий элементный состав системы *документо-коммуникационный социальный институт* (закон *структуры документо-коммуникационного социального института*): «каждый социальный институт, осуществляющий коммуникацию документа, необходимо содержит минимум четыре взаимосвязанных и функционально специализированных элемента *документист – документ – средства производства документа – контингент пользователей*, из которых первые три элемента составляют подсистему *производителя документа*» (закон 2).

Эти качественные законы основаны на устойчивой функциональной зависимости – причинной связи появления одного из видов социального института (содержащего как элемент *организацию*). В силу необратимости причинной связи за причиной всегда идет следствие. Так, учреждение, стабильно и регулярно обслуживающее потребителя, – это причина появления и возобновления социального института (который является следствием). При этом кванторы всеобщности (*всякое и каждый*) показывают универсальность этих законов в области коммуникации документа.

Если функциональная зависимость является одновременно и причинной связью, то она характеризует «процесс развития системы, появление одних признаков в зависимости от наличия других» [12, с. 419]. Функциональная связь *организация (учреждение) – потребитель* есть одновременно и причинная связь появления *социального института*. При предоставлении продукта труда потребителю происходит процесс *развития* системы

организация (учреждение): «получая» качественно новый элемент, система преобразуется и приобретает новое качество *социального института*. При появлении устойчивой, необходимой, существенной связи между *производителем* и *потребителем* (причина) возникает социальный институт (следствие).

Связь между *производителем* и *потребителем* в идеале относится к однозначной детерминации, поэтому можно сформулировать *закон связи между производителем и потребителем документа*: «потребность в документе вызывает возникновение системы производства (в виде организаций / учреждений или их личных форм) и развитие ее в систему обмена» (закон 3).

Заметим: при формулировании дефинитивных законов предполагается *идеализированный* обмен, т. е. допускается, что спрос равен предложению (ведь схема показывает *правило*, по которому предмет может быть создан, она позволяет *понять* феномен).

Итак, выявление сущностных связей в явлении, в том числе в социальных объединениях, позволяет понять, объяснить объективные закономерности и выразить их в научных законах.

В науках документа-коммуникационной сферы – типичных социально-гуманитарных науках – возможно открытие объективных закономерностей и формулирование эмпирических законов, социальных тенденций, теоретических законов, характерных для гуманитарных наук, и теоретических законов, присущих естествознанию.

Научные законы *документивной коммуникологии* (библиотекведение, библиографоведение, книговедение, архивоведение, музееведение) сформулированы на основе сущностных взаимосвязей в социальных системах *организация (учреждение)* и *социальный институт*. Эти законы вскрывают необходимые отношения между внутренними состояниями объектов смежных документа-коммуникационных наук, определяя их устойчивость и развитие. Законы *документивной коммуникологии* относятся к *межотраслевым* законам, на основе которых можно сформулировать отраслевые законы. Это законы *теоретические*, так как сформулированы они на основе построения схем понятий – интеллектуальных конструктов, подобных формулам естественных наук. Формулирование теоретических законов, позволяющих постичь сущность явления, особенно важно для документа-коммуникационных

наук, которые находятся в начале осознания изучаемых объективных закономерностей с помощью моделей, теоретических конструктов, схем.

Литература

1. Рубакин Н. А. Библиологическая психология. – М. : Акад. проект ; Трикта, 2006. – 800 с.
2. Столяров Ю. Н. О закономерностях функционирования документокоммуникационной системы (отклик на статью А. В. Соколова) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 2. – С. 15–22.
3. Неретина С. С. Концепт // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 306–307.
4. Леонтьев А. А. О Рубакине : предисл. к изд. 1977 г. // Библиологическая психология / Н. А. Рубакин. – М., 2006. – С. 10–13.
5. Берестова Т. Ф. Свойства информации как потенциал ее иерархичного функционирования и видового многообразия // Научно-техническая информация. Серия 1, Организация и методика информационной работы. – 2013. – № 3. – С. 1–7.
6. Берестова Т. Ф. О законах и закономерностях в информационной и документально-коммуникационной сферах // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 1. – С. 15–19.
7. Берестова Т. Ф. Законы формирования структуры информационного пространства и функции информации // Библиография. – 2009. – № 5. – С. 32–47.
8. Стёпин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 37–43.
9. Полтавская Е. И. Схематизация понятий как метод исследования: документа-коммуникационный аспект. – Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2014. – 312 с.
10. Миронов В. В. Фундаментальные свойства бытия // Философия. – М., 2009. – С. 460–521.
11. Готт В. С. Эвристическое значение принципа единства симметрии и асимметрии (с сокращениями) // Неизбежность нелинейного мира. К 100-летию со дня рождения В. С. Готта. – М., 2012. – С. 349–414.
12. Мелюхин С. Т. Избранные труды. Наследие и современность. В 3 т. Т. 2. Философская онтология. – М. : Изд. С. А. Савин, 2010. – 455 с.
13. Соколов А. В. Парадигма О. П. Коршунова. Статья первая. Понятие библиографической парадигмы // Научные и технические библиотеки. – 2014. – № 4. – С. 70–77.
14. Соколов А. В. Пути преодоления кризиса // Библиотечарь. – 1990. – № 11. – С. 35–42.
15. Соколов А. В. Детерминизм и деонтология в Документной коммуникационной системе // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – № 4. – С. 6–34.

Материал поступил в редакцию 03.08.2014 г.

Сведения об авторе: Полтавская Елена Игоревна – кандидат педагогических наук, заведующий отделом хранения, тел.: (495) 629-14-75, e-mail: store@mosconsv.ru